

КРИСТИНА АГАТОВА

МРАЧНЫЕ ФОКУСЫ ХЕЛЬ

Кристина Агатова
Мрачные фокусы Хель
Серия «Аврора – следствие
ведет таролог», книга 4

*<https://litres.ru/73579283>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Кармический долг платежом красен. Счет выставлен - Авроре предстоит найти того, кто совершил ритуальное убийство по книге, которая еще даже не издана. Ее автор - преуспевающий рунолог - уверен: преступник среди своих, и он готов пожертвовать свободой, чтобы спасти виновного. Но хочет узнать, кто превратил художественный вымысел в жуткую реальность, раньше, чем полиция за ним придет.

Аврора уверена: Таро - это психология, а магия - сказка для доверчивых. Пока сказка не начинает царапаться когтями. В расследовании ей "помогает" находчивый фетч с удивительным именем Бентли. Нужна ли ей эта помощь? Бентли не спрашивает, он делает.

А Хель всегда играет честно, хотя и мрачные фокусы ей не чужды.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	50
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кристина Агатова

Мрачные фокусы Хель

Глава 1

Прошло почти две недели с тех пор, как Женя пообещал перезвонить, но звонка я так и не дождалась.

Что ж, не судьба. К тому, что мужчины довольно легко раздают обещания, которые не собираются выполнять, я давно привыкла. И все же это было чертовски обидно.

С чего я решила, что он не такой, как другие? Почему позволила себе поверить в то, что они не все одинаковые? Как умудрилась снова наступить на грабли?

Хорошо, не успела наделать глупостей.

Я думала, что это паранойя, но это снова оказалась отменно работающая интуиция.

Настроение было отвратительным. Не спасала даже любимая работа, которой был просто шквал.

Она позволяла ненадолго отвлекаться, погрузившись в праздник, но каждый раз, выходя с корпоратива, я садилась в машину, доставала телефон и тупо смотрела на список пропущенных вызовов, среди которых не было того самого.

Я пыталась не ждать чуда, но ничего не могла с собой поделать и от этого еще больше грызла себя, сжирала изнутри,

ругала за слабость и глупость, торговалась с судьбой... Принятие не наступало. И я снова и снова бежала по кругу эмоций от ненависти к себе до обиды на Женю, от жалости к своей судьбе до злости на обстоятельства.

Карты не вносили ясности в ситуацию.

Я была настолько напряжена, что не могла однозначно толковать то, что видела перед собой. Субъективность и предвзятость стали моими худшими врагами. Я металась между призрачной надеждой и самыми скверными прогнозами, не решаясь сделать выбор.

Что? Что у тебя на душе? Что на сердце, Женечка?

Карты словно смеялись надо мной, то давая оптимистичные прогнозы, то разрывая душу грядущей неминуемой бедой.

Во всей этой ситуации меня радовало лишь то, что я не только выжила, но еще и умудрилась каким-то невероятным чудом не заболеть. Пара дней легкого насморка – не в счет. То ли запас моего здоровья намного больше, чем я предполагала, то ли высшие силы по какой-то причине решили, что у них на меня еще полно планов.

Да и чувство ответственности, наверное, сыграло решающую роль.

Но гадливое ощущение в душе мешало нормально радоваться. Могла ли я поступить по-другому? Могла. Наверное. Или нет? А понимает ли Женя, перед каким выбором я стояла? Как рисковала?

Кого я могла спросить об этом, как не мои карты? Но даже если бы они могли отвечать прямо, не факт, что я бы услышала ответ. Это был именно тот случай, когда гадать себе самой бесполезно.

Приглашение моей наставницы Эммы в гости я восприняла, как знак вселенной. Никто не разберется в моих раскладах лучше нее, никто не даст более дельного совета.

Это я знала с самого начала, но не решалась обратиться. Не потому что боялась показаться глупой или стеснялась той ситуации, в которой оказалась... Если только чуточку. Все же, Эмма видела немало женщин, которые запутались в отношениях, а моя ситуация еще не самая скверная.

Все дело было в том, что я боялась услышать правду. Ту, которая мне не понравилась бы. А Эмма сказала бы все, как есть, без прикрас, без сахарного сиропа. И я оттягивала момент истины, сколько могла, чтобы дать себе привыкнуть к мысли, что я снова одна.

И к тому, что доверять нельзя никому. Никогда.

Но теперь, когда я подъезжала к дому наставницы в твердой уверенности, что пришло время встретить реальность, мои руки слегка дрожали.

Эмма была не одна. Я облегченно выдохнула, когда увидела пожилого сухощавого мужчину в строгом деловом темно-сером костюме, сидящего в кресле с кружкой чая в руках. Не сегодня. Не сейчас. Не при посторонних.

– Павел Валентинович Голухов, – представился господин,

поднимаясь мне навстречу и протягивая руку ладонью вверх.

Я подала в ответ свою, но прежде, чем он успел поднести ее к губам, слегка развернула и легонько пожала.

– Аврора Александровна Невская, можно просто Аврора, – улыбнулась я.

– Потрясающе, – восхитился мужчина и провел рукой по коротким седым волосам. – Дочь Александра Невского это просто потрясающе. А какое имя!

Я улыбнулась еще чуть шире.

– Давайте на этом закончим фатический этап беседы и перейдем к фактическому, – прервала нас Эмма. – Аврорушка, кофе? Паша, сразу к делу.

Она скрылась на кухне, оставив нас вдвоем. Повисла неловкая пауза. Очевидно, Павел Валентинович не знал, с чего начать, а я и вовсе не имела понятия, о каком таком деле пойдет речь. По телефону Эмма ничего не объяснила, ограничившись тем, что ей нужна моя помощь.

Отказать я не могла в любом случае, поэтому не стала задавать вопросов. Эмма не из тех, кто станет дергать по мелочам, и не из тех, кто требует невозможного.

То, что ему не нужны мои услуги таролога – факт. Уж за этим Эмма точно не стала бы обращаться к ученице. Значит, я здесь в качестве ведущего.

Вероятно, у Павла Валентиновича близится какой-то праздник. Возможно, юбилей. Или свадьба у детей или внуков. Учитывая то, что я один из топовых организаторов ме-

роприятий в нашем городе, но он не обратился ко мне напрямую, речь пойдет либо о скидках, либо о каких-то нестандартных условиях.

– Так какое у вас событие? – осторожно начала я.

В моем деле важна деликатность. Будешь мямлить – клиент уйдет. Будешь давить – убежит. Надо быть уверенной в каждом слове, в каждом жесте. Надо располагать к себе сразу, чтобы у клиента не оставалось сомнений – тут хорошо. Искать дальше нет смысла. Нашел.

– Событие у меня...эээ, пренеприятнейшее, – еще сильнее смутился Павел Валентинович, а я вопросительно приподняла бровь.

Неужели, поминки? Такого опыта у меня не было, и, честно говоря, получать его я не горела желанием.

– Эмма дала вам весьма лестные рекомендации. Я склонен ей верить. А сейчас и сам вижу, что человек вы светлый. Видите ли, мне очень неловко об этом говорить, но в ближайшее время я сяду в тюрьму.

Я чуть не выронила глаза, но постаралась максимально быстро навесить на лицо бесстрастное выражение.

Вот это поворот! И что мы будем праздновать? Проводы?

– Никуда ты не сядешь, – резко оборвала его Эмма, внося в комнату чашечку с кофе. – Не драматизируй. Я же сказала, разберемся.

– Сяду, – упрямо повторил Павел Валентинович.

– За что? – ехидно прищурилась Эмма. – За убийство,

которое не совершал? Ничего глупее не слышала.

– Но кто-то же его совершил, – развел руками Голухов. – Учитывая круг подозреваемых, это один из близких и дорогих мне людей, за любого из которых я готов...

– Принести себя в жертву, – закатила глаза Эмма.

Павел Валентинович совершенно спокойно кивнул.

– Да. Я уже старик, мне немного осталось. А им еще жить да жить. Кто бы это ни сделал, я готов за это ответить. Я просто хочу узнать – почему? За что?

Как ни старалась я сохранить спокойствие, ситуация совершенно не вписывалась ни в один разумный сценарий.

– Стоп-стоп-стоп, – замотала я головой. – Можно с самого начала?

Павел Валентинович с Эммой переглянулись, словно внешне вспомнив, что не сочли нужным посвятить меня в свой секрет. Эмма жестом остановила мужчину, открывшего рот.

– Давай-ка я сама. А то мы так договоримся до того, что ты и правда виноват. А я со стороны буду гораздо объективнее.

Павел Валентинович Голухов оказался человеком весьма незаурядным. Даже легендарным, хоть и в относительно узких эзотерических кругах.

Один из ведущих рунологов страны, авторитетный знаток Северной Традиции в мировом сообществе, основоположник школы изучения скандинавских рун в нашем городе, автор множества трудов от условной “Рунологии для чайников” до продвинутых изысканий.

С возрастом Павел Валентинович стал сентиментальнее, и внезапно решил написать не очередное обучающее пособие, а самую что ни на есть художественную книгу. Ну, такая вот у человека появилась мечта.

Довольно долго он сомневался в себе, не решался приступить, даже гнал от себя эти “глупые” мысли, но в конце концов сдался. “Примерив” самый негативный сценарий, а именно – полный провал своего творения, он понял, что ничем особенно страшным ему это не грозит.

Финансовое положение уже давно стало более, чем стабильным, дети – самостоятельными, обстановка вокруг – дружелюбной. Отчего бы теперь не заняться чем-то, что в итоге может оказаться бесполезной тратой времени? Другие люди ездят на рыбалку, играют в сетевые “танки”, а то и вообще просиживают вечера перед “ящиком” с сомнительным содержанием. А Павел Валентинович уже хорошо потрудились, чтобы иметь возможность хотя бы на пенсии заниматься какой-нибудь сущей ерундой.

И нет, он не собирался бросать руны. И нет, он не испытывал от них усталости. Он просто захотел разнообразить свою деятельность.

Махнув на страхи и сомнения рукой, он приступил к делу. Неожиданно, процесс увлек. История лилась из-под пальцев легко, словно только и ждала своего часа. Сюжет обрастал новыми подробностями, персонажи – интересными чертами, а затем легкий мистический роман превратился то ли в трил-

лер, то ли в детектив, но так ему понравилось даже больше.

Закончив творение, Голухов отправил его своему редактору. С замиранием сердца он ждал ответа. И через пару дней раздался вожделенный звонок. Редактор буквально разразилась восторгами и пообещала запустить книгу в самое ближайшее время в жернова издательства.

Заодно настоятельно рекомендовала незамедлительно приступить к продолжению истории.

Павел Валентинович воспрял духом и дал почитать свое произведение фокус-группе, состоящей из нескольких близких ему людей. Книга пришлась публике по душе. Либо они предпочли не расстраивать Голухова критикой. Так или иначе, мечта сбылась, и это принесло мужчине массу положительных эмоций.

Беда пришла откуда не ждали.

– Видите ли, – крайне смущенно перебил Эмму Павел Валентинович. – Кто-то совершил убийство по моей книге. И когда за мной придут – вопрос времени. Нам очень надо постараться найти этого человека быстрее, чем милиция найдет меня.

– Полиция, – машинально поправила я и прикусила язык. Терминология это точно не самое важное в данный момент.

– Полиция, конечно, – кивнул Голухов, ничуть не обидевшись на мой приступ занудства.

– Подождите, – замотала я головой. – А почему они придут за вами? Если кто-то совершил убийство по сюжету ва-

шей книги, то это никак не вас не касается. Если, конечно, это не пропаганда, не подстрекательство и не разжигание розни... В общем, я сомневаюсь, что автора могут привлечь к ответственности только лишь на основании того, что в его книге описан какой-то сценарий... Да так или иначе, все давно придумано до нас. Никаких новейших способов уже невозможно изобрести. Но если вы переживаете, я могу уточнить у моего знакомого полковника полиции, какая ответственность вам грозит. Уверена, что никакая. Это просто для спокойствия.

Голухов внимательно выслушал мою длинную тираду, а потом медленно покачал головой.

– Боюсь, все намного хуже. Дело в том, что данная книга пока не поступила в продажу. Издание – процесс небыстрый. Не хочу утомлять вас подробностями, но раньше следующего года тиража не будет совершенно точно.

– Тогда как кто-то мог совершить убийство по книге, которой еще нет? – задала резонный вопрос я, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Книги нет для всех, кроме самых близких мне людей, – вздохнул Павел Валентинович. – И сотрудников издательства, конечно. Но их можно отместить сразу. Кто-то из тех, кто читал рукопись, совершил убийство и подставил меня.

– Погодите, да почему вас? – снова тряхнула я головой. – Почему вы думаете, что полиция подумает именно на вас, а не на кого-то из тех, кто читал рукопись? Во-первых, как

они вообще поймут, что это убийство по книге? Во-вторых, почему сразу вы? Почему не кто-то из тех, кто читал книгу? Понимаю, что это ваши близкие, но в этом и заключается работа полиции – искать настоящего преступника, а не того, на кого укажут случайные улики. Вы думаете, там дураки работают? Уверяю вас, это профессионалы своего дела!

Эмма издала какой-то странный вздох, но я не смогла понять, согласна она со мной или нет.

– Дело в том, что они уже приходили ко мне, – сознался Павел Валентинович. – Думаете, как я узнал об убийстве?

Я окончательно впала в ступор. Очень боясь показаться полной дурой, я закрыла рот и наклонила голову на бок, требовательно уставившись на Эмму. Похоже, что Павел Валентинович слишком поглощен своими переживаниями, и не может излагать события последовательно.

Книга, которой еще нет в продаже, какое-то убийство, полиция, которая зачем-то приходит к рунологу... Что за мешанина из нелепых фактов?

Эмма правильно меня поняла, и снова взяла инициативу в свои руки.

Глава 2

Павел Валентинович оказался известным рунологом не только в среде тех, кто жаждал постичь мудрость скандинавских учений, но и в среде криминалистов. Ему уже доводилось консультировать органы по вопросам ритуальных убийств.

Как ни странно, их было не так уж и мало. Люди, практикующие разного рода колдовство, не только пытались нарушить законы вселенной, но и с легкостью пренебрегали вполне земными законами правопорядка.

Сложно называть их нормальными. Чаще всего это психи, впавшие в крайнюю степень фанатизма. Станет ли нормальный человек приносить кого-то в жертву?

Вот и в этот раз, увидев ритуальную атрибутику, следователь решил привлечь консультанта. Надо было понять, с чем в этот раз придется иметь дело и ждать ли серии.

Увидев фото с места преступления, Павел Валентинович едва не потерял сознание. Если бы он заказывал к своей книге иллюстрации, то они выглядели бы примерно так.

– Видите ли, в моей книге этот ритуал называется “Объятия Хель”. Разумеется, никакого подобного ритуала на самом деле не существует. Я его выдумал.

– Извините, если покажусь бестактной, – перебила я. – Дело в том, что я не слишком компетентна в подобных вопро-

сах, но ведь все ритуалы когда-то кто-то выдумал. А многие практики и вовсе работают на собственном представлении о том, как правильно.

Я старалась подбирать слова так, чтобы не задеть чувства Голухова. Каждый сам решает, во что верить.

– Вы совершенно правы! – почему-то радостно подтвердил Павел Валентинович. – Но есть какие-то базовые правила. Допустим, с бесами работать лучше всего в темное время суток. А с некропривязками – на погостах. Это основа, понимаете? Если вы хотите купить хлеба, то идете в продуктовый, а не в аптеку, верно? Есть шанс, что какая-то еда обнаружится и в аптеке, но нормально запастись к ужину там не получится. В магии тоже есть правила. И “Объятия Хель” это не ритуал, а инсценировка ритуала. Он не сработает, потому что там элементарно не соблюдены базовые принципы.

– А кто, кроме практиков, мог бы это понять?

– Если я отправлю вам фото, вы поймете, что ритуал – бессмысленная фикция в магическом антураже?

Я пожала плечами.

– Вряд ли. Для меня любая пентаграмма на полу это уже заявка на вызов демона.

– Но не факт, что он придет, верно? – поднял палец вверх Павел Валентинович.

– К счастью, да, – засмеялась я. – Если бы так просто было вызвать демона, мы давно бы вымерли в магических войнах. Но я вела к тому, что кто-то мог провести ритуал не с це-

лью подставить вас, а с... Какой, кстати, была цель ритуала в вашей книге? Что получал колдун? Деньги? Славу? Вечную жизнь?

– В том-то и дело, что ничего, – развел руками Голухов. – Вы знаете, кто такая Хель? Это богиня смерти, властительница мира мертвых. Что можно получить, отправившись к ней в объятия? На земле – уже ничего. По сюжету в моей книге герой медленно и довольно болезненно умирает. Его встреча с Хель – лишь вопрос времени, он к ней готов. Но он решает немного ускорить события и застолбить себе теплое местечко в Хельхейме. По сути он добровольно отдает себя в руки Хель.

– Очень трагично, – вздохнула я. – Но вы сказали, что произошло убийство, а теперь речь про самоубийство. Какая же это добровольная передача?

– Да просто мы опять начали с конца, – вмешалась Эмма. – Я сама не сразу во всем разобралась. Давай-ка я в двух словах изложу суть – вчера обнаружили тело мужчины в несколько странном виде... Нда, тут с какого края не начинай, получается бред.

Дело меня уже, признаться, заинтриговало. Вот только я сомневалась, что смогу хоть чем-то помочь милейшему Павлу Валентиновичу. Он словно слышал мои мысли:

– Аврора, вы разберетесь в этой чехарде, я уверен. Эмма рассказала мне, с чем вам доводилось работать, и я весьма впечатлен.

Я смутилась.

– Не поймите неправильно, я бы с радостью помогла, но я совершенно не представляю – как. Я не следователь, не сыщик... Господи, да я и таролог-то посредственный...

– Вот не надо мне тут, – строго оборвала Эмма. – Профессионализм вырабатывается опытом и практикой, а дар – то, что дается свыше. Все у тебя прекрасно, не скромничай. Помнишь, я говорила, что могу попросить тебя об услуге?

Такой разговор действительно был в самом начале обучения. Когда я только познакомилась с удивительным миром Таро и с самой Эммой, я была готова оплачивать наставничество, и вопрос о сумме даже не возникал. Я чувствовала сердцем, что мне это необходимо.

Эмма сказала, что денег не возьмет, но может однажды попросить об услуге. О какой – неизвестно. А может и вовсе не попросить. Мне не хотелось влезать в кармические долги – гораздо проще отдать деньгами. Но таковы были условия, а я их приняла.

И вот час расплаты настал.

Впрочем, мне и самой было страшно интересно.

– Хорошо, – кивнула я. – Но мне нужна вообще вся информация, которая есть. И по порядку.

Эзотерики с готовностью закивали.

– Павел Валентинович, вы уверены, что это не совпадение? – задала я самый волнующий вопрос. – Вы уверены, что ритуал проведен точь-в-точь, как вы описали? Или есть

шанс, что кто-то мог просто симулировать нечто подобное? Вы же понимаете, что в интернете сейчас есть абсолютно любая информация? Мне кажется очень логичной отсылка именно к богине Смерти, чтобы принести жертву. Такая идея могла прийти в голову любому, кто листает ролики про всякие ритуалы. И совершенно необязательно, что это имеет к вам хоть малейшее отношение.

– Увы, имеет, – вздохнул Голухов. – Дело в том, что жертва – мой... Как бы вам так сказать? Это мой конкурент. Бывший ученик. У нас с ним возник конфликт на почве практики. Он весьма некрасиво повел себя, но вины не признал, а я, уж простите за слабость, осерчал на него. Да так сильно, что именно его использовал в качестве прототипа для главного героя.

Как я ни старалась, на моем лице проявился весь спектр эмоций.

– Вот это поворот! – не выдержала я. – С этого стоило начать. Получается, погиб не просто случайный человек.

– Увы, – повторил Голухов. – У меня был, как это называют, мотив. На самом деле, никакого мотива не было. Я злился, не скрою. Но я не стал бы решать вопрос таким путем. Я просто поместил его в книгу, наградил смертельной болезнью, заставил отдаться в руки Хель, а потом и вовсе отошел от гнева и пересмотрел исход событий. К финалу у него весьма неплохо сложилась судьба.

– Он же умер, – не поняла я.

– Попал в Хельхейм, – поправил рунолог. – На этом приключения не заканчиваются. Хель иногда дает вторые шансы, хотя и говорят, что ее слово окончательное.

– Ладно, к книге мы вернемся позже, – отмахнулась я. – Тогда давайте по порядку – кто погиб, как, и почему вы думаете, что на вас хотят переложить ответственность?

Павел Валентинович немного подумал и принялся излагать.

Позавчера утром в своей квартире был обнаружен молодой, но уже довольно популярный рунолог-таролог-биоэнергет Александр Белохвостов. В эзотерическом мире известный как Олав.

– Как снеговик из мультика? – удивилась я.

– Это скандинавское имя, которое дословно означает “потомок предков”, но я бы перевел как “сын своего отца”, так более понятно звучит. Забавный нюанс в том, что сам Белохвостов – сирота. Буквально, он даже не знает ни своего отца, ни матери.

– Печально, – вздохнула я. – Извините, продолжайте.

Олав был обнаружен на полу лицом вниз, правая рука лежала возле вонзенного в шею атама – ритуального ножа.

Крови было сравнительно немного. Скорее всего, лезвие частично перекрыло поврежденную артерию, поэтому вместо жутких брызг образовалась скромная лужица, которая частично впиталась в одежду, а частично – в синтетический ковер с длинным густым ворсом. Учитывая темно-коричне-

вый, почти черный цвет ковра, могло показаться, что крови нет совсем.

Вокруг Олава был широкий щедрый круг из соли, шесть мисок с водой, десять не до конца прогоревших свечей из черной вошины и трав и четыре подставки с истлевшими благовониями.

– Числа имеют значение? – уточнила я.

– Все имеет значение, когда речь идет о ритуальной магии, – назидательно заметил Голухов. – В нашем случае, убийца действовал по моей книге, как по Библии. Именно так я и описал ритуал. Моя авторская интерпретация Малого и Большого ритуала, нелепая смесь того и другого. Но к Северной традиции эти числа никак не относятся. Разве что число десять можно с натяжкой отнести к Хель.

– А соль – это от злых духов?

– Соль – это символ стихии земли. В Малом и Большом ритуалах идет обращение к стихиям. Свечи это огонь, разумеется. Вода – стихия воды. Благовония – видимая и осязаемая стихия воздуха. И самое главное – над головой у Белохвостова была начертана солью руна Хагалаз. Та самая руна, которая является рабочей руной Хель. Сомнений быть не может – это именно “Объятия Хель”.

Звучало вполне убедительно, но я так и не могла понять, каким боком тут мог оказаться Павел Валентинович.

– Но разве не глупо таким образом подставлять вас? Очевидно же, что вы этого сделать не могли, поскольку описали

этот ритуал в своей книге. Надо быть совершенно сумасшедшим, чтобы воплотить его в жизнь. Это как явка с повинной! Даже если вы хотели свести с ним счеты, не обижайтесь, то кто мешал вам сделать это тихо и быстро? Зачем эти игры с солью и благовониями?

– Чтобы имитировать самопожертвование, – чуть раздраженно ответил Голухов. – В моей книге это именно так. Убийца ее прочел и решил, что рунолог мог бы именно таким образом уйти из жизни. Вот только когда выяснится, что никакое это не самоубийство, начнут искать убийцу и выйдут на мою книгу.

– Так это самоубийство или убийство? – потеряла я терпение.

– Пока нет информации, – развел руками Павел Валентинович. – Я пока тоже не дал экспертного заключения, тяну сроки, чтобы хоть какая-то фора была.

– Но вы точно уверены, что Белохвостов не покончил с собой в согласии с любимой традицией? Ритуал не кажется мне сложным. Соль, вода и благовония – совершенно не дефицитные товары. А свечи из черной вошины вообще можно накрутить самостоятельно, не обязательно покупать готовые.

– А никто из практиков готовые и не покупает. Мы делаем их сами. Запас готовых свечей нашли у Белохвостова в ящике стола, – кивнул Голухов. – Тут не прикопаешься. Там были не только черные, но и красные, и белые. У меня они

тоже есть. Проще выделить пару часов и накрутить самых востребованных, чем каждый раз доставать травы и масла.

– Вот, – обрадовалась я. – Получается, что он мог самостоятельно подготовить ритуал. Мало ли, что ему в голову стрельнуло! Решил уйти красиво. А что до чисел... Десятка, вы сами сказали, число Хель. Шесть мисок и четыре благовоения – та же десятка.

– Такого ритуала не может существовать в природе, – перебил Павел Валентинович. – Мало того, что северные боги вообще не требуют жертв, так это еще и страшно глупо – принести богине Смерти чью-то жизнь. Она сама вольна забирать жизнь в тот момент, когда сочтет нужным. Все умирает в свое время – так говорят. И решать за нее – неуважение. И кстати, не гарантирует попадания в Хельхейм.

– Я не сильна в скандинавской мифологии, но знаю, что есть Вальгалла, куда попадают смелые воины. Этаким рай для викингов. А Хельхейм, получается, ад?

– Упаси Один! – расстроился Голухов. – Это лишь один из миров. И вовсе это не ад с пытками и вечными муками, а достаточно комфортное место для тех, кто покинул мир живых от старости, болезни или голода. Они и так пострадались при жизни, поэтому в Хельхейме их ждет абсолютный покой без боли и страданий.

– Звучит неплохо, – одобрила я. – Получается, попасть к Хель можно, лишь умерев по естественным причинам?

– Именно так, – подтвердил Павел Валентинович. – По-

этому такой ритуал невозможен. Я вам скажу даже больше. Храбрые воины шли на хитрость, когда чувствовали приближение смерти от старости. Они пронзали себя копьем, чтобы имитировать смерть в бою, тогда был шанс попасть к Одину или Фрейе. Это не суицид, это декорация. Такая гибель считалась славной.

– А куда же попадают жертвы бытовых убийств и самоубийцы? – растерялась я. – Смертью в бою это сложно назвать. Хотя, при определенных обстоятельствах...

– При определенных – к Одину и Фрейе, конечно. Если человек бился за жизнь, значит, дух воина в нем силен. Если так случилось, что его коварно убили во сне, или силы были совсем не равны, то тут могут быть варианты. Можно к Тору попасть, можно и к Хель. А вот с самоубийцами совсем плохо. Впрочем, ни в одной традиции им не выделили приличного места, сами понимаете. Они скитаются, ищут путь. Иногда им удастся добраться до Золотого Моста, пройти Железный лес и выйти к вратам Хельхейма. Увы, там в лесу из развлечений только весьма кровожадный гигантский пес, который терзает души. Это можно назвать если не адом, то чистилищем.

– То есть, все-таки такой ритуал теоретически может привести к Хель?

– Может, но какой ценой! Высока вероятность так и остаться в лесу.

– Но если правильно провести ритуал, то леса можно из-

бежать?

– Слушайте, а ведь это логично, – вдруг завис Голухов. – Правда, в моей книге все не так было, но мысль-то толковая!

– Так может этот ваш Белохвостов реально решил проشمыгнуть в Хельхейм, – предположила я. – Как рунолог, он оценил ритуал и счел его подходящим. Тем более, книгу написали вы – его учитель и наставник. Вы для него в любом случае авторитет.

– Но книга-то художественная! Это же вымысел, фантазия... Да и зачем ему умирать? Он даже не болен!

– А вот этого мы не знаем, – прищурилась я. – Как-то же вам пришло в голову наградить его смертельной болезнью? Что если это не просто ваш гнев и желание вылить на бумагу горечь от предательства, а интуиция? Вы же практик! Такие чудеса для вас – рутина.

– Даже если так, то книгу-то он не читал! Ее же еще не издали!

Я не нашла, что на это возразить. Моя стройная теория разбилась вдребезги. Все опять возвращалось к тому, что тот, кто провел ритуал, точно читал книгу Голухова.

Я достала блокнот и ручку.

– Давайте зайдем с другого бока – кто вообще читал вашу книгу?

Глава 3

От Эммы я вышла с гудящей головой.

Информации было столько, что я не знала, с чего начать ее проверять. Хотя список прочитавших действительно оказался довольно коротким. И из него мы сразу исключили тех, кто физически не мог совершить преступление, потому что находился в другом городе.

Несмотря на мои уверения в том, что самолеты уже давно изобрели, Павел Валентинович твердо стоял на своем – искать следует среди тех, кто ближе. К тому же, у редактора, корректора, иллюстратора и других членов издательства не могло быть ни одного личного мотива против Голухова.

Сам Павел Валентинович верил и в то, что у близких тоже нет причин подставлять его, однако кто-то же это сделал.

В фокус-группу вошли ближайшие родственники – дочь Елизавета с мужем Антоном и младший сын Макар, племянница Шурочка, бывший ученик и писатель Дмитрий Мрак и дама сердца Голухова – Вера Ивановна Казакова.

С каждым из этих людей Павел Валентинович без сомнений пошел бы и в разведку, и в бой. Отношения, с его слов, были прекрасными. А как же иначе? Стал бы он давать на прочтение свою книгу кому-то, в ком не уверен?

И среди этих светлых и добрых людей мне предстояло найти того, кто не просто лишил жизни человека, а подвел

под удар Павла Валентиновича.

Для этого мне надо было с ними хотя бы поговорить. Но делать это напрямую было никак нельзя. Во-первых, делиться с кем-то подробностями преступления было запрещено. Причем, не только мне, но, в общем-то, и самому Павлу Валентиновичу.

И то, что он нарушил запрет, посвятив нас с Эммой в свои неприятности, не означало, что я могу делать то же самое.

Во-вторых, кто-то из них, как ни печально это осознавать, совершил преступление. И о том, что мы ведем свое расследование, ему знать совершенно не обязательно. Пусть пока остается в неведении.

Легенду для меня придумала Эмма.

– Кто может легитимно собирать сплетни о человеке, а остальные радостно будут подыгрывать? – хитро прищурившись, спросила она меня.

– Кто? – переспросила я, потому что на мой взгляд – никто.

– Журналист, конечно, – чуть разочарованно вздохнула она. – Молодежь совершенно перестала смотреть телевизор и читать газеты. Теперь в почете блогеры, а раньше все новости таскали корреспонденты.

– Точно! – обрадовалась я такому изящному решению. – Павел Валентинович – фигура заметная, никто не удивится, что о нем решили написать. И можно задавать самые бестактные и скандальные вопросы. Чем больше грязи, тем луч-

ше.

– Хотелось бы без грязи, конечно, – хмыкнул Голухов. – Но ход ваших мыслей я уловил. Провокации могут дать результат.

Я немного смутилась, но сочла нужным объяснить:

– Вы уж простите, но пусть хвалебную статью про вас пишет настоящий профессиональный журналист, а мне надо понять, какие у ваших близких могли быть на вас обиды. И если вы не готовы к тому, что я узнаю о темных страничках вашей истории жизни, то давайте я просто выйду за дверь и забуду все, что мы здесь обсудили.

– Ни в коем случае, – запротестовал Голухов. – Есть моменты, которыми я не горжусь. Но я бы и сам вам обо всем рассказал, да только ничего это не даст. Хуже того, я слишком субъективен.

Я кивнула. Да, очень часто люди оправдывают себя в ситуациях, за которые другие могут таить зло. И еще чаще – несут вину, которую сами на себя взвалили, когда этого вообще не требовалось.

Дав добро на копание в грязном белье, Павел Валентинович даже наметил краткий план. Первой в очереди он поставил свою дочь.

– Они с Макаром для меня самые близкие, начать следует именно с них. Но Макар сейчас в отъезде. Вернется только послезавтра. А вот Лизочек обычно дома по вечерам. При удачном стечении обстоятельств она уже сегодня с ва-

ми встретится – она не любит откладывать дела, если можно сделать их побыстрее.

– У вас двое детей? – уточнила я зачем-то.

– Фактически – трое, – смутился Голухов. – Но старший сын... Там долгая история, он к этому точно не имеет отношения. Мы давно не общаемся.

– Подождите-ка, – нахмурилась я. – Вот это уже очень интересно. Сын, который не общается с отцом, по вашему, не может таить обиду? Я бы рассмотрела его кандидатуру в первую очередь.

Голухов печально вздохнул:

– Подозреваю, что он о моем существовании даже не думает.

Павел Валентинович родился в Ленинграде и никогда не подозревал, что судьба занесет его в Сибирь. Он рано потерял отца, а мать постоянно пропадала на работе, так что, рос он самостоятельным, сообразительным и очень ответственным. Старательно учился, потом поступил в институт, чтобы “устроиться на хорошую работу и выбиться в люди”.

Но судьба распорядилась немного иначе. На третьем курсе он встретил очаровательную Аннушку. Красивую, смешливую и очень талантливую – она училась на актрису. С ее внешностью она должна была стать настоящей звездой.

На Павла Валентиновича – Пашку – она внимания не обращала. Но влюбился он всерьез. Даже сон и аппетит потерял и чуть было не завалил сессию. К счастью, вовремя взял

себя в руки и сосредоточился на учебе, не забывая, впрочем, тайком вздыхать по красавице.

Ни словом, ни делом он об этом не давал понять. Вел себя непринужденно. Вежливо, приветливо, но и только. Сейчас этому обучают на разных пикаперских курсах, а тогда Голухов совершенно искренне и безо всяких манипуляций “подцепил” Аннушку на этот крючок. Ее самолюбие было задето: парень, которого она отвергла, не валялся у нее в ногах – неслыханно!

В общем, через полгода они начали встречаться. Поначалу просто ходили в кино и гуляли в парке, пили чай с пирожными в кафетериях, бродили по уютным улочкам. Пашка приходил на репетиции к Аннушке, она приходила к нему в общагу, где в коридоре на широком подоконнике любила смотреть на город.

Через год таких встреч случилось то, что иногда случается с влюбленными парами – отношения перешли на следующую ступень и сразу результативно. Вариантов, кроме как жениться, не было.

Пашка был рад, хотя и озадачен. Что мог нищий студент предложить своей любимой и их будущему ребенку? На помощь родителей рассчитывать не приходилось.

А уж Аннушка и вовсе была в ужасе – карьера звезды улетела... аисту под хвост.

Пару лет пришлось жить совсем скверно. Голухов бился изо всех сил – устроился на кафедру, давал частные уроки,

даже подрабатывал грузчиком в овощном возле дома.

Потом стало чуть полегче, да и Аннушка вышла на работу, когда Андрюшке дали место в садике. Не актрисой, к сожалению, а всего лишь продавщицей в тот же самый овощной.

Возвышенная и романтическая любовь давно прошла. Аннушка постоянно была недовольна.

А чему радоваться? Жизнь закончилась, не успев начаться. Не об этом она мечтала. А виноват в этом был, разумеется, Пашка.

Ни о какой близости и речи не шло. Аннушка даже разговаривала с мужем исключительно по делу и сквозь зубы.

А когда Андрюшка пошел в школу, она объявила, что нашла “нормального” мужчину и видеть унылого неудачника Пашу более не желает. Неконфликтный Голухов не стал устраивать скандалов – к этому все давно шло.

Сам он не решился бы на такое. Даже не из высоких моральных принципов, а из банальной нехватки ресурсов – ни времени, ни лишних денег на любовницу не было.

А вот сына терять не хотелось. Он готов был платить алименты по закону, давать денег просто так и помогать с воспитанием, но Аннушка твердо заявила:

– Голухов, ты не сумел дать мне нормальную жизнь, так не мешай другому. Прошу по хорошему – забудь о нас и не трогай. Не мешай моему счастью.

Наверное, стоило бы побороться. Напомнить о своих правах. Дать понять ей, что он никогда не перестанет быть от-

цом для Андрюшки.

Но Павел Валентинович не стал этого делать. Видимо, какие-то чувства к Аннушке у него еще оставались, и он не хотел разрушить ей жизнь своими истериками.

Он отпустил и ее, и сына. А мамы не стало еще несколько лет назад. Находиться в городе, где все напоминало о том, что он так и не сумел “выбиться в люди” было невыносимо. Его больше ничего не держало в Ленинграде – ни нищенская преподавательская зарплата, ни комната в коммуналке, поэтому, доработав до конца года и приняв все зачеты и экзамены у студентов, Голухов уволился и поехал в Сибирь.

Ему было все равно куда ехать – лишь бы подальше. Можно было бы в Москву, но его там никто не ждал, а денег от продажи скромной недвижимости не хватило бы и на туалет в столице. Поэтому он отправился за Урал, где, по слухам, было гораздо проще найти свое место в жизни.

Слухи не обманули – на работу он устроился легко. Ленинградского преподавателя взяли на кафедру математики без разговоров. Да и с жильем тут было проще.

И личная жизнь вдруг начала складываться совершенно невероятным образом – молодой преподаватель сразу же стал объектом повышенного внимания многих симпатичных студенток. И одна из них – Мария – покорила его до глубины души.

И нет, она не была такой яркой красавицей, как его бывшая жена. Напротив, Мария была скромной, тихой и спокой-

ной. Но ее пытливый ум и искренний интерес к науке нашли отклик в душе Павла Валентиновича.

Сразу после получения диплома они тихо расписались. Затем родилась Елизавета.

Супруги жили душа в душу и даже планировали еще одного ребенка, но ситуация в стране стала нестабильной, зарплату то задерживали, то выплачивали частями, и вопрос выживания стоял острее, чем вопрос продолжения рода.

Но при всем этом Мария не винила Пашу, не устраивала сцен. Она стойко переносила все тяготы и делала все возможное, чтобы дом оставался местом, где всем хорошо.

Прошло десять лет, и жизнь стала постепенно налаживаться. Мария решилась на второго ребенка.

К сожалению, после того, как родился Макар, ее здоровье сильно пошатнулось. Спустя четыре года ее не стало.

– Соболезную, – искренне произнесла я. История меня действительно впечатлила.

– Благодарю, – ответил Павел Валентинович. – Знаете, я ни о чем не жалею. Если бы я знал, как все сложится, я бы не выбрал ничего другого. Жизнь не была простой, но она подарила мне пятнадцать лет счастья с любимой женщиной и прекрасных детей.

– Так а что с Андрюшкой? – вернулась я к интересующему меня моменту. – Вы вообще не поддерживали связь? Может, он вырос, обозлился на то, что вас не было рядом, и решил отомстить?

Павел Валентинович немного помялся, но ответил:

– Первое время я узнавал через общих знакомых, как у них дела. С тем мужчиной у Аннушки все сложилось хорошо. Пока всю страну штормило, он вовремя покрутился и обеспечил им сытую жизнь. Анна даже родила ему еще одного сына. А потом у него обнаружились какие-то родственники в Америке, и в конце девяностых они все вместе эмигрировали. После этого вестей стало совсем мало, да и я, уж простите, остыл. Сами понимаете – своих проблем хватало. Уже потом, когда стали появляться социальные сети, я нашел и Аннушку, и Андрея, но так и не решился им написать. Посмотрел, что у них все хорошо, и решил, что так и должно оставаться.

– Но ведь сын уже вырос, можно было бы наладить с ним контакт, – возразила я и тут же прикусила язык. Не мое это дело.

– А смысл? – пожал плечами Голухов, не обиравшись на мою бестактность. – Я хотел. Но потом представил, как это глупо – вот так взять и появиться в его жизни. Зачем тревожить прошлое?

– Тоже верно, – вздохнула я. – Сама воспитываю детей без помощи их отца и меньше всего хочу, чтобы он внезапно вырос на пороге. Он, правда, пробовал. Но дальше угрозы начать участвовать в их жизни дело не пошло, к счастью. Значит, он живет в Америке?

– По моим последним данным – да, – кивнул Голухов. –

Даже если бы собирался на родину, не думаю, что сейчас для этого подходящее время. Да и что ему тут делать? У него там вся жизнь, семья, работа. А через полмира лететь ради мести отцу – затея дурацкая.

– Я просто хочу исключить его из списка возможных подозреваемых, – пояснила я.

– Я понял. Но он и книгу мою не читал.

– А ваши дети с ним не общаются? Может, они могли дать ему почитать?

– Шутите? – печально улыбнулся Голухов. – Он им совершенно безразличен. Они знают, конечно, что он существует, но никогда не интересовались. А он, наверняка, даже не подозревает о них.

Андрея пришлось исключить, но ссылку на его страничку я на всякий случай попросила. Даже если сам Павел Валентинович уверен, что сын о нем не вспоминал все сорок лет, это всего лишь его мнение.

С Елизаветой, как и сказал Голухов, получилось договориться на вечер. Женщина не стала откладывать дела на потом и предпочла дать интервью в самое ближайшее время.

А вот Вера Ивановна долго ахала и даже хотела попросить несколько дней отсрочки, но Голухову удалось убедить ее в том, что ничего особенного от нее не требуется – просто ответить на несколько вопросов.

– Чувствую себя мерзавцем, – признался рунолог, отложив телефон. – Обманиваю дорогую мне женщину.

– Это ложь во благо, – успокоила я его. – Если Вере Ивановне нечего скрывать, и она желает вам только добра, то она обязательно все поймет, когда правда вскроется. Мы, женщины, вообще имеем неиссякаемый запас понимания.

Остальных решили пока не трогать. Для начала следовало понять, насколько успешно я смогу сыграть роль журналистки. И если Павел Валентинович верил в меня безоговорочно, по его собственному признанию, то я мандражировала.

Казалось бы, о чем беспокоиться? Общаться с людьми – моя работа. Чем “интервью” отличается от обычной беседы при подготовке мероприятия, например, свадьбы? По сути – ничем. Алгоритм простой, как мем с котятами. Расположить клиентов к себе, создать подходящие условия для откровенности и вовремя задать нужные вопросы. А дальше, конечно, внимательно слушать. Не только что, но и как.

Самое главное – оставаться уверенной и невозмутимой в любой ситуации. А это я хорошо умею.

Глава 4

К Елизавете я приехала чуть раньше, чем договаривались, поэтому пришлось почти полчаса ждать в машине. Но это время я решила провести с пользой и зашла в канал к Олаву.

Похоже, что его подписчики еще ничего не знали о том, что его больше нет, потому что никаких комментариев с соболезнованиями я не обнаружила.

Сам канал был самым обычным для эзотерика – много общей информации, демонстрация успешных кейсов и немного личного. Последние посты вышли уже после его смерти. Очевидно, Олав заряжал контент заранее, чтобы поменьше отвлекаться в моменте.

От прошлых постов они отличались лишь тем, что там не было его ответов. Что и логично.

Я нашла закрепленный прайс и охнула. А эзотерика-то прибыльное дело! Интересно, люди реально готовы платить такие деньги за то, что даже потрогать нельзя? Вот, скажем, “снятие негатива на кладбище через бесовских князей”, действительно нужная услуга?

А “открытие всех дорог и разблокировка финансового канала”? Откуда у людей с заблокированным финансовым каналом такие деньги, а?

Ну с приворотами все и так понятно – благодатная почва. За возврат любви женщины и под кредит себя подведут. Тут

можно ставить любую цену – спрос будет всегда.

Большинство моих клиенток переживают за отношения. Речь, разумеется, не о тех, кто заказывает мероприятия, а о тех, кто приходит на расклады.

А я, чем больше во все это вникаю, тем больше понимаю, что если на мужчину потребовалось сделать расклад, значит, он этого не стоит. Потому что мужчина, с которым стоит быть вместе, не станет заставлять вас мучиться и переживать.

Я вздохнула. Такая умная, а такая дура! Сама ведь две недели выношу себе мозг размышлениями о том, почему Женя молчит.

Почему? Да потому что не хочет разговаривать, вот и все. И стоит ли разбираться в причинах? Пестовать в себе вину?

Я поступила так, как сочла нужным в тот момент. Не из подлости, не из гнусности, а из соображений безопасности моих детей. И если для него такое мое решение неприемлемо, то мне остается только принять этот факт. Без попыток все исправить.

Что тут исправишь? Даже если бы машина времени откинула меня обратно в тот дом среди леса, я бы снова сбежала.

Да и нет никакой машины времени. Есть только настоящее и мутное будущее. И мне решать – идти в него с уверенностью в том, что все будет хорошо, или застрять в прошлом и прокручивать возможные сценарии того, как могло бы быть по-другому.

Я посмотрела на время и убрала телефон в карман. Канал Олава можно изучить и позже, а вот Елизавета вряд ли оценит опоздание.

Дверь мне открыл мальчик лет восьми.

– Привет, – улыбнулась я. – А мама дома?

– Мама! – закричал мальчишка. – К тебе пришла рыжая тетя!

В коридоре появилась невысокая стройная женщина в темно-сером офисном брючном костюме. Короткие темные волосы были аккуратно уложены, легкий макияж слегка “устал”, но держался, а на губах застыла вежливая улыбка.

– Глебушка, ну нельзя же так говорить, – мягко пожурила она сына.

– Как? – уточнил мальчик. – Она же правда рыжая!

Вместо ответа Елизавета развернула его за плечи и легонько подтолкнула в комнату.

– Извините, Глеб не хотел вас обидеть.

Я максимально широко улыбнулась.

– Да бросьте, Глеб удивительно наблюдательный ребенок. Я ведь и правда рыжая. Аврора, рада познакомиться.

Улыбка Елизаветы стала более искренней, а сама она слегка расслабилась.

– Елизавета. Можно просто – Лиза. Проходите, пожалуйста, – пригласила она. – Чай? Кофе? Простите, я только вернулась с работы, и у нас слегка не прибрано.

– Постараюсь не занять много вашего времени, – заверила

я, окинув взглядом небольшую, но уютную кухню.

Мне было слегка неловко – наверняка, Елизавета устала и хочет просто отдохнуть, а вместо этого вынуждена давать интервью. С другой стороны – она сама назначила это время. Хотя, другого у нее, скорее всего, не было. Она тут же подтвердила мою догадку:

– Я с утра до вечера на работе почти без выходных. Муж работает дома, но особо не занимается хозяйством. Глеба из школы встречает, и то хорошо.

Извинялась она зря. На кухне было чисто, только немного посуды стояло в раковине, но такое и у меня случается.

Я присела за стол и включила диктофон на телефоне.

– А кем вы работаете, Елизавета?

– Я – финансовый аналитик. Звучит солидно, но на деле довольно скучное занятие.

Определенно, у Елизаветы какие-то комплексы. То просят прощения за какие-то несуществующие грехи, то обесценивает свои достижения. Если бы я умела манипулировать людьми, эта информация была бы для меня бесценной. Увы, я могла только посочувствовать Лизе.

– Так вы, значит, решили про отца написать... А что именно? Статью? Книгу?

– Знаете, как пойдет, – неопределенно махнула я рукой. – У меня огромные планы, но все будет зависеть от главного редактора. Поэтому, чем больше информации я соберу, тем больше шансов на что-то серьезное. Надеюсь, вы мне помо-

жете.

– Такая ответственность, – вздохнула Елизавета. – Не знаю, смогу ли рассказать что-то полезное. Папа, наверное, все уже рассказал.

– Мы решили начать со взгляда со стороны. Никто не расскажет о человеке лучше, чем его близкие. Давайте вспомним, как все начиналось? Как Павел Валентинович, преподаватель математики, пришел к изучению рун?

Лиза улыбнулась.

– Признаюсь сразу – моя вина. Это я их домой притащила. В итоге сама на них плюнула, а отец всерьез увлекся.

В начале нулевых, когда Лизе было пятнадцать, а Макару всего четыре, их мамы не стало. Павел Валентинович тяжело переносил эту утрату, хотя старался держаться ради детей.

И если Макар довольно быстро адаптировался, то Лиза тосковала постоянно. Ей пришлось фактически заменить маму младшему брату, хотя она сама была еще ребенком.

Ей как никогда требовалась именно мамина поддержка. Выслушать секреты, дать совет, помочь повзрослеть. Научиться быть женщиной. Папа хоть и пытался вести разговоры по душам, откровенно не справлялся.

Он смущался, стеснялся и не находил нужных слов.

А в выпускном классе Лиза влюбилась. Да еще как! И ладно бы в одноклассника... Но нет, Елизавета выбрала “плохого парня” на пять лет старше. И если в возрасте за тридцать это не проблема, то когда девочке семнадцать, а ему – два-

дцать два, дело плохо.

К счастью, она ему была совершенно неинтересна. Но в тот момент ей казалось, что жизнь рушится. Что такого, как Марат, она никогда не встретит в своей жалкой жизни.

Ведь кто он, и кто она? Он такой крутой, ездит на машине, пусть и старой, но со спортивным глушителем, который “пердит” на всю округу. Он мужественно курит вонючие сигареты и даже не морщится. У него классный телефон с камерой, а у нее – самый дешевый аппарат “лишь бы звонил”.

У Марата была и подружка ему под стать – дерзкая, с хрипловатым голосом, разноцветными волосами и тупыми шутками. И младшим братом – одноклассником Лизы. В общем-то, они так и познакомились – отмечали у них “на хате” день Валентина. Вот там, символично, Лиза и потеряла голову от любви в самый романтичный праздник.

И это она расценила как знак судьбы – не просто же так именно в этот день она встретила Марата! А то, что в компании был почти весь их класс – досадное совпадение.

Увы, на ее настойчивые звонки Марат отвечал крайне редко и неохотно, сообщения игнорировал, покатасть на машине не звал.

Естественно, потому что мерзкая Алина ему запрещала. Обезьяна разукрашенная. Наверняка, он давно бы ее бросил и был с Лизой, если бы не она.

И признаться в этом Лизоньке он не мог, бедняжка, страдал молча. Но Лиза решила выяснить правду во что бы то

ни стало.

А как можно выяснить правду о чувствах мужчины, если он о них сказать не может? Правильно – спросить у высших сил. Точнее, у карт.

В ближайшем газетном киоске Лиза купила простенькую колоду Таро, где младшие арканы даже не были прорисованы. Рядом с ними лежали еще какие-то карточки.

– А это что? – любопытствовала девочка.

– Скандинавские руны, – ответила продавец. – Древняя система гадания. Тут на них значения написаны, очень легко гадать.

– Давайте их тоже, – решила лиза.

Принеся добычу домой, она принялась ее изучать. Карт оказалось много – аж семьдесят восемь штук. И к ним прилагалась инструкция на огромном листе тонкой сероватой бумаги мелким шрифтом. Разобраться во всем этом без подготовки было нереально!

А вот руны оказались гораздо проще. Их было всего двадцать четыре. Небольшие картонные листочки с чем-то вроде буковок. И у каждой было название, а значение карточки было написано прямо на ней. Причем, учитывалось положение – прямое или перевернутое, смысл от этого менялся кардинально.

Особенно Лизе понравились руны Вуньо и Гебо – радость и союз. Вот именно эти руны ей и нужны были в раскладе на Марата.

И именно эти руны никак не выпадали, сколько она не выкладывала их на стол.

Окончательно разозлившись, Лиза разрыдалась и швырнула колоду карточек в стену, как раз в тот момент, когда Павел Валентинович вошел в комнату.

– Что произошло? – встревоженно поинтересовался он.

– Тупые руны! – сквозь слезы выдавила Лиза. – Тупые руны говорят, что мы с Маратиком никогда не будем вместе! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

– Так, – поджал губы отец. – Кто такой Маратик? И что такое руны?

Через пару часов Голухов выяснил, что Маратик – всего лишь безответная любовь подростковой дочери, и слегка успокоился. Безответная, значит – безопасная. В памяти еще были живы воспоминания о том, чем закончилась его первая большая любовь. Такого своей дочери он не желал.

Руны он собрал и унес к себе в комнату. Просто, чтобы Лиза не начала снова делать расклады и плакать.

Вскоре Лиза про них совсем забыла, как забыла и про Маратика. У парня хватило ума не повестись на провокации малолетней соблазнительницы, а ее захватили совершенно другие заботы – экзамены, выпускной, поступление, лето...

До нового учебного года оставалась всего пара недель, и Лиза стремилась насладиться свободой сполна до того, как начнется напряженный процесс получения высшего образования. Как-то раз придя с прогулки она застала дома отца в

компании двоих парней в униформе мастеров.

– Ну вот и у нас появился интернет! – обрадованно сообщил Павел Валентинович.

– Зачем? – не поняла Елизавета. – У тебя на работе есть, а мне пока не надо.

– Как это – не надо? – изумился папа. – Эпоха штудирования книг в библиотеке уже давно прошла. Будешь изучать нужные материалы дома – в комфорте. И не надо ходить по улице по ночам. И мне пригодится... Я, кстати, больше не работаю в университете.

У Лизы отвисла челюсть. Ценность денег и необходимость работы она уже давно понимала, как и то, что папа – пока еще единственный, кто содержит их с Макаром. Его увольнение выглядело, как начало финансовой катастрофы для всей семьи.

– Тебя уволили? Вот же уроды! Не переживай, папочка, ты найдешь другую работу...

– Я сам ушел, – спокойно перебил отец. – Решил целиком сосредоточиться на рунах.

– На чем? – совершенно обескураженно переспросила дочь. – На каких еще рунах? А жить мы на что будем?

– Руны сказали, что именно в этом мое предназначение. А за деньги не беспокойся, я уже убрал блок с финансов, теперь все наладится.

– Блок с финансов? – беспомощно заморгала Лиза. – Папа, ты с ума сошел?

– Лизочек, не волнуйся ты так, – мягко улыбнулся отец. – Мы не голодаем, не скитаемся. Все будет хорошо, я обещаю.

Елизавета не стала спорить. Да, сама мысль о том, что отец променял стабильную работу на какую-то эзотерическую чушь, была дикой. Но он – взрослый человек и имеет полное право заниматься тем, к чему лежит душа.

Папе она доверяла. Они действительно жили не так уж и плохо. Не роскошно, конечно. Даже достаточно скромно. Но могло быть и хуже – такое было в девяностые, Лиза хорошо это помнила. Но даже тогда отец находил способы обеспечить семью всем необходимым.

Наверное, он просто устал. Просто устал жить для семьи, для детей. После смерти мамы он делал для них все, и вот – устал. Сейчас он отдохнет, наберется сил и, возможно, снова устроится на нормальную работу. Главное, пережить этот “отпуск”.

В самом крайнем случае, можно устроиться на подработку в кафе или на кассу в магазине. Как совмещать это с учебой – вопрос сложный, но выход обязательно найдется.

Успокоив себя, Лиза решила не вмешиваться в папины дела. По крайней мере, пока не наступят тяжелые времена.

Шло время, а тяжелые времена не наступали. Наоборот, денег, как будто бы, реально стало больше. В холодильнике на постоянной основе поселились довольно дорогие продукты. Впрочем, там и раньше не было пусто, но теперь и фруктов, и сладкого было в достатке. Красная рыбка, икра, говья-

дина – то, что покупалось не так уж и часто, теперь всегда было дома.

На “карманные” расходы отец стал давать больше, да и на “наряды” – тоже.

– Моя дочь не должна быть хуже других, – говорил отец, доставая купюры. – Возле вокзала новый магазин открылся. Сходи на выходных, посмотри, вдруг что-то понравится.

И сам он стал более расслабленным и позитивным. Впервые после смерти мамы он стал улыбаться не только по какому-то вескому поводу, а просто так – от хорошего настроения.

Иногда Лиза приходила домой и сталкивалась с какими-то людьми. Отец кратко пояснял, что это клиенты. Девушка старалась не вникать. Главное, что ничем противозаконным папа не занимался.

Он тихо-мирно практиковал руны и не посвящал дочь в свои дела. А она занималась своими – училась, выросла. Гаданиями и магией больше не интересовалась.

– Наверное, я плохая дочь, – вздохнула Елизавета, закончив рассказ. – Я слишком была поглощена собой, а на отца не обращала внимания. Деньги дает, не пьет, не обижает нас с Макаром, возится с какими-то рунами... Теперь мне даже нечего рассказать.

– Что вы, все очень интересно, – заверила я. – А как вы относитесь к рунам сейчас, уже убедившись, что Павел Валентинович не зря выбрал этот путь? Обращаетесь к ним за

помощью?

– Крайне редко, – покачала головой Лиза. – Только для решения самых острых вопросов. Не хочу растратить удачу. И не хочу постоянно пользоваться магическими костылями, чтобы не стать беспомощной без них. Папа предлагал мне ритуалы на открытие дорог, на успехи... И я знаю, что все это проверено не на одном клиенте, но как я смогу радоваться своим достижениям, если они моими не будут? Я ведь буду знать, что это руны за меня поработали. Чего я добьюсь сама? Скажете, что я дура?

– Вовсе нет, – тут же опровергла я. – Ваша позиция заслуживает уважения. Сама предпочитаю опираться на себя. Но и тех, кто приходит за магической помощью, я осудить не могу. Если внутренняя опора надломилась, то надо найти ее вовне. И если это не во вред другим, то почему бы и нет?

Лиза заметно расслабилась.

– Да, вы совершенно правы. Отец помог стольким людям! Знали бы вы, сколько раз я видела, как к нам приходили в слезах, а потом, спустя время, возвращались счастливыми с благодарностями. Кому-то он помог восстановить мир в семье, кому-то – выбраться из долгов.

– Неужели, недовольных клиентов не было? – осторожно поинтересовалась я.

Елизавета на миг задумалась.

– Сложные случаи были. Но папа всегда старался доводить дело до конца. Менял ритуалы, пробовал разные под-

ходы. Если понимал, что работа предстоит сложнее, чем он рассчитывал, то никаких дополнительных денег не тянул, насколько я знаю. Боролся за результат. В безнадежных ситуациях даже возвращал предоплату.

– И много таких было?

– Вроде, нет, – пожала плечами женщина. – Но я уже десять лет с ним не живу. Он ничего не рассказывал про это. Мы редко говорим о его работе. Чаще всего просто болтаем о жизни, о здоровье. Он очень интересуется успехами Глеба в школе. Но какие там пока успехи? Пятерка за то, что тетрадку дома не забыл. Достижение!

– Еще какое, – вступилась я за Глеба. – Мой чуть старше вашего, так забытые тетрадки – еще не самое страшное, что случилось. В каждом возрасте свои критерии успеха.

Я снова прикусила язык. Цель моего визита – не разобраться с психологическими проблемами Лизы, а найти того, кто мог желать зла Голухову. Следовало срочно сменить тему на более интересную мне.

– Елизавета, вы ведь читали книгу Павла Валентиновича “Объятия Хель”? Поделитесь впечатлениями.

– Замечательная книга, – совершенно без эмоций произнесла Лиза. – Сюжет такой интересный, невозможно оторваться. Я за вечер прочла и осталась в восторге. Признаюсь, папа удивил – раньше он писал только обучающие материалы.

– А что думаете о ритуале, описанном в книге? – спросила

я и замерла.

Лиза растерялась.

– Ритуал, как ритуал. Честно говоря, я не сильна в этих вопросах. Гораздо больше меня волновало, сможет ли герой исправить свои ошибки.

– А вы считаете, что смерти не достаточно, чтобы ошибки уже перестали иметь значение?

– Шутите? – засмеялась женщина. – Смерть – это бегство от проблем. Она вообще ничего не решает. Умереть это слишком просто, а вот попробуй выжить и что-то изменить.

Глава 5

Домой я приехала вымотанная до основания. Как будто не беседовала с обыкновенной среднестатистической семьей, а разгружала вагоны.

Лиза произвела на меня гнетущее впечатление. Вроде бы, все с ней было хорошо. Правильно. Элегантная деловая одежда, адекватное поведение, грамотная речь и приятный голос, манеры, опять же, хорошие. Но эта ее привычка постоянно извиняться, обесценивать себя и других, постоянно проскальзывающая между строк вина... Это было хуже, чем если бы она сморкалась в подол засаленной футболки и ругалась матом.

Вряд ли такой человек мог кого-то убить и изобразить ритуал. Да и про Олава она почти ничего не знала.

И если Елизавета вызывала только сочувствие и недоумение, то ее муж показался мне крайне неприятным.

Антон даже не пытался изобразить любезность. Он с трудом оторвался от компьютера, сославшись на то, что у него полно работы, но звуки в наушниках явно намекали на то, что мужик играл – звон мечей и крики монстров сложно с чем-то спутать.

На мои вопросы отвечал формально и односложно – да, тесть у него классный мужик. Да, отношения хорошие. Нет, никогда не конфликтовали. Да, книгу прочитал, очень инте-

ресно.

Но у меня сложилось впечатление, что книгу он даже не открывал. И вряд ли интересовался ритуалами и рунами в целом.

Пока он делал мне одолжение, отвечая на вопросы, Лиза хлопотала на кухне, а Глеб тихо сидел в своей комнате. И у меня сложилось впечатление, что это нормальный заведенный порядок в этой семье.

Конечно, работа дома это все равно работа, а не отдых, и заниматься бытом Антон вовсе не обязан только на основании того, что ему не нужно ходить в офис, но хоть немного помогать жене мог бы.

Впрочем, если она постоянно чувствует себя в чем-то виноватой, то пытается что-то исправить. Как она сказала: “Попробуй выжить и что-то изменить”. Интересно, что она пытается изменить? Вряд ли это вина за убийство Олава. Проблема явно настолько давняя, что она ее даже не замечает.

Она просто пытается выжить и что-то изменить. Что? Смерть матери? Или чувствует, что могла дать больше тепла и заботы маленькому братишке?

Или боится, что умрет, и сын будет расти без нее, вот и заботится обо всех “с запасом”? Приходит с работы и заступает на вторую смену.

К счастью, это меня никак не касается. Она меня о помощи не просила. Да и чем бы я могла ей помочь? Тем более, что ее все устраивает, даже если мне это кажется неправиль-

ным. Счастье у каждого свое. У нее – вот такое.

По крайней мере, она не одна.

Эта внезапная мысль с легким оттенком зависти меня обескуражила. Неужели я сейчас всерьез подумала о том, что хорошо, когда есть рядом хоть какой-то мужчина?

Какой кошмар.

Я быстро переключилась обратно на дело Павла Валентиновича. Следовало подвести промежуточные итоги.

На мой взгляд, ни Елизавета, ни ее муж не тянули на коварных убийц. Даже вдвоем. Окончательно сбрасывать их со счетов не стоило, но эти двое по моей личной шкале вероятности заслуживали не больше тройки из десяти. И то на двоих.

Похоже, Елизавета не была настолько близким Голухову человеком, как ему хотелось бы верить. Несмотря на то, что она старательно изображала перед “журналисткой” восхищение его достижениями, складывалось впечатление, что для нее это так и осталось на уровне того юношеского эпизода с “игрой” в магию.

Интересно, почему?

Еще более интересно, почему она не пользуется всеми преимуществами дочери такого сильного практика? Не верит в его способности?

Или знает, что их... нет?

Я задумалась – а верю ли я сама в то, что руны могут влиять на реальность?

С одной стороны, я верю в необъяснимое. И стараюсь держаться подальше, дабы не нарушить естественный ход событий и не столкнуться с последствиями. А они могут быть весьма неприятными.

С другой, я пока еще не встречала настоящих колдунов, которые действительно что-то могли. Возможно, настало время убедиться. Или разочароваться окончательно.

В сети я нашла много интересной информации. И да, Голухов оказался весьма знаменит.

У него был довольно неплохой сайт – очень удобный интерфейс, ничего лишнего. Никаких кошмарных аляпистых картинок с демонами, нагоняющими жути. Все очень минималистично, удобно, аккуратно. Перечень услуг, информация о самом Павле Валентиновиче, форма заявки, ссылки на площадку, где можно купить его книги. Даже какие-то бесплатные материалы для начинающих рунологов.

Под обучение там был выделен отдельный большой блок с расписанием и тарифами. Не такими уж и пугающими, как мне показалось. Хорошее обучение не может стоить копейки, но иногда за курсы ломают такие цены, что я поражаюсь – как они группы набирают? Здесь же даже вип-тариф был вполне доступным.

А особенно мне понравился прикрученный к сайту уютный эзотерический магазинчик, где можно было купить самые разнообразные руны и наборы для их активации. Даже не понимая, зачем мне это нужно, я принялась разглядывать

их.

Там были и простые деревянные плашки с вырезанными символами, и высеченные на камне, и даже разноцветные, как карамельки, отлитые из смолы. Рука сама потянулась положить в корзину красивый оранжево-красный набор, но я одернула себя на полпути. Не это сейчас важно. Купить набор я всегда успею, если мне действительно захочется ими заниматься.

Естественно, искать на сайте корни проблем Голухова было глупо. Сайт это не более, чем витрина его бизнеса, как бы цинично это ни звучало. А что есть в любом бизнесе? Конкуренты.

И вот это уже могло быть куда интереснее. Конкуренты, конечно же, не читали книгу Голухова. При условии, что никто из близких Павла Валентиновича с ними не связан нежнейшей дружбой. Казалось бы – с чего ради? Но с учетом того, что я пережила за последние пару месяцев, удивляться такому даже глупо.

Оставалось найти самых титулованных и именитых рунологов в нашем городе.

Это оказалось непросто. Поиск выдавал практиков, которые у нас никогда даже проездом не бывали, зато не забыли перечислить все крупные города у себя на странице и указать возможность онлайн работы.

Удобно, конечно. Сиди себе дома и принимай клиентов хоть из Африки. Надо бы и мне озаботиться этим моментом,

хотя... В чем смысл? Деньги я зарабатываю другим путем. Таро это просто хобби.

Сохранив информацию, которая показалась мне ценной, я вновь открыла личный канал Олава. Последние посты были информационными – прогноз на грядущую неделю, руны дня на воскресенье, понедельник, вторник и среду... Не удивлюсь, если завтра появится очередная “руна дня с того света”. Хитрый жук зарядил руны на неделю вперед, хотя по-хорошему так делать не стоит.

Впрочем, у рун могут быть свои правила игры. В Таро карта дня тянется ежедневного, потому что такие краткосрочные прогнозы меняются весьма значительно в зависимости от решений, принятых накануне.

Да и вообще тянуть руны дня сразу на всех подписчиков канала – это странно. Каждый человек индивидуален. Как можно давать коллективный прогноз? Впрочем, судя по комментариям, народу эта забава нравилась.

Я пролистала пустые посты и открыла субботнее видео.

На экране появился Олав собственной персоной – милый светловолосый парнишка, глядя на которого я бы никогда не подумала, что он имеет отношение к эзотерике. Скорее, менеджер по продажам в какой-нибудь крупной конторе, куда берут всех подряд сразу после института, потому что надолго там никто не задерживается из-за низкой зарплаты и вечных переработок.

– Дорогие мои валькирии и викинги, – с преувеличенным

энтузиазмом обратился к подписчикам Олав. – Сегодня у меня крайний день аскезы!

Ухо резануло дурацкое словечко “крайний”. Терпеть не могу, когда вместо нормального слова “последний” говорят “крайний” из суеверных соображений. И что? Спасло это Олава? Конкретно в его случае день вышел самый что ни на есть последний.

Я подавила эмоции и сосредоточилась на сюжете.

– Выходить из голода нужно постепенно, булочки мои, – продолжил парень. – Те, кто был на моем марафоне очищения, знают, что экологичный выход – основа успеха. Начинать лучше с отваров. У меня сегодня шиповник, мята и тысячелистник. Тысячелистник сильно горчит, поэтому ложечка меда лишней не будет. А вот шиповника можно побольше, чтобы перебить горечь. М-м-м, вот это аромат! Если бы вы знали, если бы вы знали, как это пахнет!

Камера скользнула по столу, где стоял красивый стеклянный чайничек с отваром и пара чашечек. Потом вновь появился Олав.

– По секрету скажу, что на обед у меня овощное пюре. Лучше готовить самостоятельно, но у меня будет вот такая детская пюрешечка – сельдерей с морковью. Напоминаю, что тем, кто собирается оставить всю жесь в уходящем году, а в новый год войти чистым и легким, через две недели такие пюрешки очень понадобятся. Марафон будет бесплатным!

Я снова скривилась. Есть же нормальное слово “бесплат-

ный”! Что за манера – коверкать русский язык?

– Пишите мне в личку: “Хочу на марафон”, и я вышлю файл с первыми инструкциями и доступ в закрытый чат участников!

Видео закончилось. Я пролистала еще пару постов вверх и нашла начало аскезы.

– Сегодня мой первый день, – вещал Олав. – Всего их будет три – этого достаточно, чтобы подготовиться к ритуальчикам. На следующей неделе у нас с вами грандиозные планы. Столько заявок на чистки! Ребятки, если я кому-то не отвечаю – все okay, я про вас помню! Потерпите, я до всех дойду! По срочным вопросам – продублируйте ваше сообщение, у меня есть еще пара местечек. Итак, легкий завтрак...

На экране возник салат. Самый обычный фотогеничный салат из листьев, кусочков авокадо, семечек и белых кубиков то ли брынзы, то ли фетаксы.

– Тут у меня тофу, – опроверг мои догадки Олав. – Никакой животной пищи в эти три дня быть не может. Да, некоторые практики держат только бескровный пост перед ритуалами, но я предпочитаю делать работу качественно. Придя ко мне, вы можете быть уверены, что никаких обраток и откатов не будет, потому что я строго слежу за безопасностью.

Я покачала головой. Хорошо, что для Таро не нужны подобные диеты. А еще лучше, что последствий никаких, хотя некоторые на полном серьезе уточняют, можно ли прогадать счастье.

Теоретически – можно. Точно так же, как можно изменить любой прогноз. Если ты знаешь, к чему приведут твои действия, то можешь их изменить, и результат тоже изменится. Так что, если расклад благоприятен, то лучше ничего не менять, чтобы случайно не сбить заложенный “маршрут”.

Но такое случается довольно редко. По крайней мере среди тех, кто идет к тарологу за советом. Обычно идут, когда запутались и заблудились. И в этом состоянии любой путь – это дорога в никуда.

Примерно так же я ощущала себя в настоящий момент.

С чего начать расследование? Делать расклад на мертвого – та еще задачка. Те, кто умер совсем недавно, даже не определяются, как мертвые. У них даже какое-никакое будущее есть.

Почему так? Потому что. Мне сложно это понять, но Эмма утверждает, что поле хранит память о жизни человека еще несколько дней, а то и недель. Правда, на картах это может ощущаться, как покой или одиночество.

И конечно невозможно просто раскинуть картишки и узнать, кто убийца. Если бы все было так легко, то в штате полиции давно существовал был таролог! Можно узнать, были ли у человека враги, какими качествами они обладали, какие обиды имели, но что это даст? Это ведь не имя и фамилия! А “эгоистичный, решительный, волевой манипулятор” в окружении может быть не один.

К тому же, не факт, что он это сделал. Может, собирался.

Может, мечтал об этом. Но не факт, что совершил.

Еще хуже, если убийца в целом человек неплохой. Да, звучит странно. Но картам все равно – убил он кого-то или нет. Он вполне может быть умным, начитанным, веселым и щедрым. Он может быть ласков к животным, дружелюбен к незнакомцам, заботлив к родственникам. Но...

Я машинально выложила несколько карт, думая о Лизе. Холодная, умная, запертая в своих страхах или иллюзиях. Женщина, которая закрылась от всего мира непроницаемым щитом разума.

Интересно, почему? Я выложила еще одну карту.

Стоило и самой догадаться – боль. Много боли в прошлом. Может, Антона она выбрала себе в наказание? А что? Чувство вины часто вынуждает истязать себя. Вот только это точно не имело отношения к Белохвостову.

А вот Антон меня удивил. При всей его кажущейся ограниченности, по картам выходило, что человек он довольно неплохой. По крайней мере, от Лизы он ничего не скрывал.

Слегка поморщившись от своего неуместного любопытства, я выложила пару карт на его чувства. Хм. Весьма недурно.

Я быстро смела карты в кучу. Не люблю смотреть отношения без запроса. Как будто подглядываю в замочную скважину за людьми. А ведь это не относится к делу. Какая мне разница, любит Антон ее или нет? Она с ним счастлива, а это главное.

Глава 6

Вера Ивановна оказалась весьма приятной пожилой дамой. В ней было и что-то уютное, и что-то элегантное одновременно. На мой взгляд они с Павлом Валентиновичем идеально подходили друг другу.

Было заметно, что к визиту “журналистки” она тщательно подготовилась – в квартире царил безупречный порядок. На столе в просторной светлой кухне уже был накрыт стол – огромная ваза с конфетами, миска с фруктами, две чайные пары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.